

Луна тонула в призрачной дымке. Внезапно раздался сухой, отчетливый треск — так с глухим скрежетом расходятся суставы, когда кость за костью насильно растягивают человеческий скелет.

Стоявшее перед ними Божество очага начало стремительно расти. Белые одежды натянулись, обрисовывая очертания стремительно удлиняющегося тела. Будто молодой бамбуковый побег, фигура вытянулась ввысь, явив взорам безупречно сложенный силуэт взрослого мужчины, который невозможно было спутать ни с чем иным.

Кое-кто из игроков судорожно вздохнул. Оцепенев от изумления, они заворуженно наблюдали за происходящим, словно все еще блуждали в кошмарном свирепом сне.

Божество очага коснулось края маски. Его длинные изящные пальцы легко накрыли половину лица. Легкое усилие — и маска Нуо соскользнула с кожи, открывая то, что скрывалось за ней.

Лицо мужчины оказалось невероятно красивым, с глубокими, резкими чертами. Разрез глаз, очертания скул — всё в нем в точности повторяло стоящее рядом божественное изваяние, словно отлитое в той же форме. Это пугающее сходство заставило сердца присутствующих забиться в бешеном ритме. Люди стояли, беззвучно приоткрыв рты, не в силах издать ни звука.

— Ты угадал, — негромко произнес он, вглядываясь в лицо юноши.

Коу Дун все еще был в маске, но ему показалось, будто этот взгляд проникает сквозь дерево, обнажая кости, растворяя плоть и проникая в самую суть его существа.

— Значит... ты действительно?.. — пробормотал один из игроков в маске. — Ты — бог?

Божество очага не ответило. Он даже не удостоил говорившего взглядом, все его внимание было приковано лишь к стоявшему перед ним юноше.

— Ты вернулся, — прошептал он. — Я счастлив.

Коу Дун нахмурился. Эти слова — «ты вернулся» — отозвались в его душе странным, тревожным предчувствием.

Но мужчина не стал продолжать. Он лишь протянул Коу Дуну руку и тихо скомандовал:

— Иди ко мне.

Коу Дун опустил взгляд на его открытую ладонь.

— Иди сюда, — повторило Злое божество тоном, не терпящим возражений. — Ты прошел эту игру. Пришло время забрать награду.

— Какую еще награду? — кто-то резко вскочил со стула, со злостью уставившись на Коу Дуна.
— С какой стати приз достается ему?!

[Системное уведомление: Получение награды доступно только игроку, открывшему скрытую сюжетную линию.]

— Какая к черту скрытая сюжетная линия! — возмутился крикун, яростно тыча пальцем в сторону Коу Дуна. — Он с самого начала плевал на правила! Делал всё, что ему вздумается! Разве это прохождение? Он же просто ткнул пальцем наугад!

Никто ему не ответил. Напротив, кто-то потянул его за рукав, испуганно зашептав:

— Да замолчи ты...

Еще пара слов — и он нарушит строжайшее табу. В правилах этого командного подземелья четко говорилось: нельзя произносить слово «игра», упоминать ее название и раскрывать свою личность в реальном мире. Ограничения были предельно ясными, и никто не хотел проверять на себе, какова плата за их нарушение.

Но раздосадованный игрок проигнорировал предупреждение. Все эти дни ему везло: жребий обходил его стороной, его никто не подозревал, и он благополучно дожил до финала. Теперь, когда подземелье близилось к завершению, он просто не мог смириться с потерей очков вклада.

— Мы должны получить свою долю! — заорал он, обращаясь уже к Злому божеству. — Мы проходили это вместе! Почему всё должно достаться ему одному?!

Злое божество медленно повернуло голову. Его бездонные черные глаза уставились на крикуна. Неведомая, колоссальная сила внушала первобытный ужас. Под этим леденящим взглядом лица игроков под масками Нуо побледнели, а по спинам пробежал холодный пот. Лишь зачинщик спора, распаляясь всё сильнее, искренне верил в свою правоту.

Он и в реальной-то жизни не отличался кротким нравом — за плечами пара грабежей и тюремный срок. Нары лишь укрепили его наглость и привычку трепать языком. Мужчина сплюнул под ноги и со злобой выкрикнул:

— Да в этой вашей паршивой игре ему просто подыгрывают!

Над поляной повисла мертвая тишина.

Слова прозвучали отчетливо и громко.

Он произнес запретное слово — «игра».

Тишина давила, предвещая скорую бурю. Мужчина и сам почуял неладное. Каким бы невозмутимым он себя ни считал, осознание того, что он ляпнул лишнее, заставило его кожу покрыться мурашками.

Однако шло мгновение за мгновением, но ничего не происходило. Небо оставалось прежним, кровавая луна все так же безразлично взирала с высоты. Он стоял на месте, целый и невредимый.

Это ложное спокойствие вернуло ему былую дерзость. Он вздернул подбородок и с презрением оглядел притихшую толпу:

— Ну и чего вы вылупились? — загоготал он. — Стадо трусливых...

Договорить он не успел.

Прямо из-под земли с треском вырвалась иссохшая, мертвенно-бледная костяная рука и намертво вцепилась в его лодыжку.

Следом из рыхлой почвы хлынули десятки других костей. Словно полчища прожорливых насекомых, они стремительно поползли вверх по его телу. Мужчина отчаянно пытался стряхнуть их, но мертвые пальцы сжимались железной хваткой, безжалостно выкручивая руки и ноги. В считанные секунды крикун оказался полностью погребен под копошащейся грудой ослепительно белых костей.

С ног до самой головы.

Это зрелище напоминало нашествие термитов, пожирающих заживо огромного зверя.

— А-а-а-а-а!

Мужчина зашелся в истошном, надрывном крике, полном неопишуемой муки. Сквозь щели между переплетенными костями Коу Дун разглядел сочащуюся алую жидкость. И в ужасе понял, что происходит.

Они заживо сдирали с него плоть, жадно впитывая кровь.

В памяти мгновенно всплыл Кровавый пруд из Пруда обмена, где точно так же колыхался лес

из костяных рук. Нахмурившись, Коу Дун сделал шаг вперед.

Крошечная ладонь опустилась на его плечо. Тихо раздался голос Е Яньчжи:

— Не надо.

Коу Дун замер, но лоб его оставался напряженно нахмуренным.

— Не вмешивайся, — повторил Е Яньчжи, пристально глядя на жуткую расправу. — Система свято чтит свои правила. Этот человек нарушил их. Даже если ты вытащишь его сейчас, он всё равно обречен. И его конец будет куда страшнее. Ты не сможешь его защитить.

Коу Дун отступил, отведя взгляд. Под непрекращающиеся вопли тело мужчины начало усыхать и проваливаться под землю — дюйм за дюймом. Сначала исчезли ступни, затем голени, бедра, торс...

Наконец сжалась и пропала голова. На истоптанной сухой земле осталась лежать лишь расписная, искусно сделанная маска Нуо. Самого же человека больше не существовало.

Над поляной вновь воцарилась гробовая тишина.

Произошедшее подействовало на выживших как удар грома. Те, кто очнулся от оцепенения, мелко дрожали. Никогда еще они не испытывали столь священного, животного ужаса перед местными законами.

Е Яньчжи лишь раздраженно фыркнул, тихо заметив:

— Вечно у нее один и тот же излюбленный прием. Бьют одного, чтобы припугнуть остальных.

— Хочешь сказать, он был козлом отпущения? — уточнил Коу Дун.

Е Яньчжи промолчал.

"Нет, я имел в виду, что обезьяна здесь — ты".

Он посмотрел на валяющуюся маску Нуо, а затем перевел многозначительный взгляд на полупрозрачное диалоговое окно Системы.

Ее мотивы были шиты белыми нитками. Понимая, что контроль над Коу Дуном ускользает из рук, Система отчаянно пыталась продемонстрировать свою жестокость. Она хотела запугать его, заставить умерить пыл, отказаться от хитроумных трюков и безвольно пойти навстречу

расставленным капканам.

Но планам этим не суждено было сбыться. Коу Дун остался совершенно невозмутим, и уж точно не собирался отказываться от своих излюбленных нестандартных приемов.

Что за глупости! Какой же Коу Дун без его безумных выходок?

Это всё равно что рыба без воды, птица без крыльев или Сунь Укун без своего волшебного посоха. Без этого он просто перестал бы быть собой.

Поэтому Коу Дун сохранял абсолютное олимпийское спокойствие.

Зато остальные игроки, до смерти перепуганные кровавой расправой, стояли ни живы ни мертвы. Больше никто не смел заикаться о том, почему награда должна достаться Коу Дуну.

Злое божество вновь протянуло к Коу Дуну ладонь, безмолвно призывая следовать за ним.

Коу Дун посмотрел на его руку, но не сдвинулся с места.

Божество склонило голову, и в его голосе неожиданно прозвучали мягкие, почти нежные нотки:

— Что такое?

Коу Дун пристально посмотрел на него:

— А награда действительно существует?

Злое божество на мгновение замерло, а затем его губы тронула легкая усмешка:

— Разумеется.

Даже Е Яньчжи слегка озадачился.

— Но ведь Система только что объявила, что награда полагается за открытие скрытой сюжетной линии, — тихо произнес Коу Дун, не сводя глаз со своего собеседника. — И какую же скрытую линию я умудрился активировать?

Этот вопрос поверг присутствующих в замешательство.

Е Яньчжи сообразил первым. И правда: всё, что сделал Коу Дун к этому моменту — раскрыл истинную личность Злого божества.

Но это разоблачение само по себе не являлось скрытым ответвлением сюжета, ведь оно напрямую влияло на разгадку главного вопроса игры. Как можно было сосчитать точное число людей и призраков, не зная, кем на самом деле является их противник?

Злое божество тихо рассмеялось. Смех становился всё громче, пока не перерос в открытый, искренний хохот. Наконец он выдохнул:

— Надо же, ты меня раскусил.

— Разумеется, — отозвался Коу Дун. — Хотя должен признать, играл ты великолепно. — Он сделал паузу и добавил с искренним восхищением: — В реальном мире тебе бы точно вручили «Оскар».

Высокая, статная фигура божества возвышалась над ним. Мужчина с явным интересом спросил:

— И в чем еще ты сомневаешься?

— О, список моих сомнений весьма внушителен.

Сквозь прорези маски Коу Дун разглядывал это до боли знакомое лицо. Перед ним стоял типичный деспотичный босс, расчетливый, ревнивый и готовый просчитывать каждый шаг. Чтобы втереться к нему в доверие, этот тип всё это время без зазрения совести говорил женским голосом — настоящий мастер переодевания.

Когда мужчина столь легко отбрасывает гордость и мужское достоинство, это говорит лишь об одном: его одержимость не знает границ.

Разве мог такой человек оказаться тем самым наивным ребенком из легенды, который лишь преданно взирал на своего покровителя и пал во тьму от горя после его гибели?

Коу Дун сомневался в этом. По крайней мере, истина была куда сложнее.

Улыбка на лице божества стала еще шире:

— К примеру?

— К примеру, — спокойно произнес Коу Дун, — почему бы тебе не поведать нам, как именно

истинное, праведное божество умудрилось пасть во тьму?

В легенде, которую поведал им некогда Циньтун, крылись две ключевые зацепки.

Во-первых, у каждой деревни должен быть свой божественный покровитель.

Во-вторых, в соседней деревне Гуцзя истинное божество так и не смогло занять престол. Оставшись без защиты, люди там были обречены на вечные страдания и нищету.

Но почему бог не смог явить себя?

Если сопоставить это с внезапным появлением Злого божества сразу после гибели покровителя деревни Шаньхай, то ответ напрашивался сам собой. Божественный статус — это не рекламная листовка, которую раздают на улице каждому встречному.

Новый темный бог возник слишком быстро лишь потому, что он изначально обладал божественной природой.

И, скорее всего, он был тем самым покровителем из деревни Гуцзя.

В древнегреческих мифах боги спускались к смертным, принимая облик нищих, чтобы испытать их сердца. Высокомерный царь отказал страннику даже в глотке воды и с позором прогнал его. Разгневанный Зевс обрушил на землю потоп, уничтожив всё человечество и положив конец Серебряному веку.

Божество деревни Гуцзя годами безуспешно пыталось обрести свою силу. Весьма вероятно, что причиной тому было некое испытание, которое люди так и не сумели пройти.

Но в чем оно заключалось?

По странному совпадению, именно в той деревне жил несчастный сирота, отвергнутый всеми и прозванный вестником несчастий.

Коу Дун просто не мог не связать эти нити воедино.

И ответ Злого божества лишь подтвердил его догадку.

— Сперва я не мог занять трон, — негромко произнес он. — А затем... просто передумал.

— Почему? — спросил Коу Дун.

— Почему? — Злое божество протянуло руку, слегка касаясь его скрытого маской Нуо лица. В тот же миг Коу Дун увидел, как клубы первобытной, угольно-черной тьмы окутали мужчину. Эта зловещая аура вздымалась вокруг него, словно штормовой океанский вал.

— Потому что праведному богу это не дозволено, — прошептал он с томящей нежностью. — Если бы я стал праведным божеством, как бы я мог в этом самом храме, прямо на алтаре, овладевать тобой у всех на виду?

Каким должен быть истинный бог?

Задай этот вопрос смертным, и вряд ли кто-то ответит верно.

Кротким? Полным милосердия и сострадания? Защищающим страждущих? Всё это — лишь жалкие фантазии людей, о которых сами боги никогда не давали обещаний. С точки зрения высших существ подобные ожидания глупы и бессмысленны.

С чего бы им даровать защиту?

Боги лишены сердца и страстей. Смертные для них — лишь пыль под ногами, не имеющая к ним никакого отношения.

«Тогда проверь их сам, — предложил когда-то другой небожитель. — Посмотри, стоят ли твои будущие почитатели божественной милости».

И он прислушался к этому совету. Решив испытать людей, бог сошел в мир смертных в образе плачущего младенца. Новорожденный лишился матери, которая умерла при родах, а вскоре нелепый несчастный случай унес и жизнь отца. Мальчика тут же прозвали проклятым дитя, вестником скорби. Его бросили в ветхой, полусгнившей лачуге на окраине, куда никто не смел даже заглянуть.

Деревенские старейшины поначалу хотели утопить младенца в реке. Но едва они натолкнулись на его тяжелый, не по-детски пронзительный взгляд, как их обуял безотчетный страх.

Им оставалось лишь шептаться по углам, проклиная несчастного сироту.

— Вы только посмотрите на его глаза...

— Разве у нормальных детей бывает такой взор?

У них не хватило духу погубить его физически, но и помогать ему никто не собирался. Брошенный на произвол судьбы бог лежал на грязной соломе и угрюмо смотрел в небо, постепенно осознавая, сколь гнилыми и убогими душами обладают эти люди.

Тогда он впервые подумал о том, чтобы стереть их с лица земли.

Но именно тогда сквозь щели в крыше пробилось мягкое золотистое сияние. То был покровитель соседней деревни, возвращавшийся от старца Юэлао, у которого выпросил для своих жителей нити судьбы. Пролетая над землей, он заметил в грязи одинокий, брошенный сверток.

Падший бог почувствовал, как к его пересохшим губам прикоснулась влага. Приоткрыв глаза, он сквозь сияющий ореол разглядел прекрасное лицо юного небожителя.

— Бедное дитя, — тихо прошептал тот бог, ласково качая его. — Может, мне забрать тебя и вырастить как собственного сына?..

Падший бог лишился дара речи.

Ничего более нелепого ему слышать еще не приходилось.

Они ведь были равны по статусу! С какой стати он должен был становиться его сыном? От этой глупости его едва не разобрал злобный смех.

Пока он пребывал в замешательстве, добрый бог напоил его божественной росой, наполнив неокрепшее тело чистой духовной силой, способной поддерживать в нем жизнь. Окутанный золотым светом профиль покровителя казался невероятно прекрасным и величественным.

И падший бог замер, не в силах отвести взгляд.

Небожитель бережно прижал его к себе.

— Ты, должно быть, голоден, — ласково прошептал он. — Потерпи, сейчас я поделюсь с тобой дарами...

Это был первый раз с момента его спуска на землю, когда он наелся досыта.

Обретенная духовная энергия позволила ему продержаться в смертном теле еще какое-то время. Падший бог решил дать жителям деревни последний шанс — если они проявят хоть каплю сострадания и расскаются.

Но обитатели Гуцзя не собирались менять свои черствые сердца, увязая в пороках всё глубже. День за днем они неистово молили небо о пришествии заступника, но одновременно с этим осыпали проклятиями невинного ребенка, обвиняя его во всех своих бедах. Им и в голову не приходило, что нищета и несчастья обрушились на них лишь из-за отсутствия божественного покровительства. Для них козлом отпущения стал сирота. А уж когда местная старая ведьма авторитетно заявила, что мальчишка крадет их удачу, его жизнь и вовсе превратилась в сущий ад.

Боги на небесах были слишком недосыгаемы, а беззащитный ребенок — вот он, совсем рядом.

Его нещадно били, осыпали бранью, а уличная детвора швыряла в него камнями. Бедному мальчику негде было укрыться. Стоило ему на мгновение задержаться у чужих ворот, как хозяева с руганью выплескивали на него кипяток, стремясь содрать с него кожу.

Никто не ведал жалости к нему, все видели в нем лишь источник зла.

От него шарахались, как от чумы, какая уж тут милость?

В то же время соседняя деревня Шаньхай процветала с каждым днем. Закрома ломились от зерна, люди жили в мире и достатке. Две деревни находились бок о бок, но их судьбы различались как небо и земля.

Не понимая истинных причин, несчастные жители Гуцзя лишь с удвоенной яростью вымещали злобу на сироте.

И никто из них даже не подозревал, что этот забитый ребенок и был тем самым великим божеством, которого они так тщетно пытались призвать на алтарь.

Им нужно было лишь накормить его, одеть и проявить каплю тепла — сущая малость. Сделай они это, и их покровитель воссиял бы на престоле, навеки даровав этим землям мир и благоденствие.

Но никто не сжалился над ним. Вместо этого они несли к безжизненным каменным идолам всё более щедрые подношения.

Но зачем богу эти холодные подношения? Он давно возненавидел своих ослепших чад. И оставался здесь вовсе не ради них, а ради истинного бога соседней деревни Шаньхай.

Ради того чистого, светлого божества.

Он часто принимал человеческий облик и тайком наблюдал за ним. Благочестивый бог не подозревал, кто скрывается под личиной оборванца, делился с ним лучшими яствами со своего алтаря, заботился, чтобы тот был сыт и одет, и ласкал его точно так же, как и любого ребенка

из своей деревни.

Поначалу падшему богу хватало и этого. Он притворялся послушным дитя, льнул к нему и однажды преподнес в дар горсть грязного риса — якобы всё, что ему удалось собрать с великим трудом. Заметивший это староста деревни Шаньхай пришел в ярость и осыпал оборванца бранью. У того от гнева глаза налились кровью, он едва не испепелил наглого смертного прямо на глазах у покровителя. Однако благородный бог остановил старосту и мягко упрекнул его: «Важна лишь искренность чувств, а цена дара не имеет значения».

Старосте пришлось умолкнуть. Повинуясь воле своего господина, он со вздохом занес эту жалкую горсть риса в Книгу заслуг.

С каждым днем падший бог всё отчетливее понимал: этот небожитель — единственный в своем роде.

Но вскоре легкой привязанности ему стало мало.

Он больше не желал довольствоваться лишь лаской покровителя.

Ему хотелось большего...

Он жаждал овладеть им без остатка...

Он резко проснулся.

"В его безумных снах пресветлый бог лежал пред ним, растерзав свои белоснежные одежды, и перед лицом собственных безмолвных почитателей с трудом сдерживал прерывистые, полные сладкой муки рыдания."

А он сам безжалостно брал его, вновь и вновь.

И это было не единожды.

Сам того не замечая, он взрастил в своей душе жуткого демона разума, готового поглотить его целиком. Проснувшись в очередной раз от греховных видений, бог обнаружил, что с ног до головы окутан плотной, удушающей черной дымкой.

Столь мощной и концентрированной темной энергии не бывало даже у древнейших демонов.

С того дня путь к престолу праведного бога был для него закрыт навеки. С того самого мига, как в его сердце зародилась эта порочная страсть, он окончательно пал во тьму.

Жители Гуцзя со временем догадались, кем был тот несчастный ребенок, и в ужасе попытались умиловить его гнев. Они перепробовали всё, даже принесли в жертву несколько пар невинных детей. Но Злое божество не могло вернуться на прежний путь — он давно лишился на это права. Впрочем, сообщать об этом глупым смертным он не стал.

Они рыдали, каялись и бились головами о землю перед его алтарем, но он взирал на их муки с ледяным равнодушием.

Когда земля содрогнулась от ужасающего землетрясения, он и пальцем не пошевелил, чтобы спасти хоть кого-то. Переродившись в темное божество, он питался чужой болью и отчаянием, и гибнущая деревня Гуцзя стала для него роскошным пиршеством.

Те, кто когда-то издевался над ним, выли от бессильной ярости, глядя, как их близкие заживо уходят под землю. А Злое божество бесстрастно наблюдало за этим со стороны. Он прекрасно слышал их предсмертные мольбы, но не проявил и капли жалости.

Вскоре от Гуцзя не осталось и следа.

Он превратился в бродячего, бездомного духа.

У этой истории не было бы продолжения, но пришло известие: светлый бог деревни Шаньхай был вероломно убит. Это известие едва не лишило его рассудка. Потребовались долгие годы затворничества, чтобы залечить раны души. Восстановив силы, он явился в Шаньхай и безжалостно вырезал всю деревню до единого человека, мстя за своего возлюбленного.

Опустевшая земля превратилась в его личную арену, а души убитых стали призраками. Люди и мертвецы, вечные прятки и взаимные подозрения — эта забава казалась Злому божеству весьма занятной.

И всё же глубоко внутри зияла невыносимая пустота.

Но в тот день, когда кто-то вновь примерил маску Нуо...

Он ощутил до боли знакомое присутствие, и его мертвое сердце испуганно замерло.

Он вернулся.

Тот самый бог, ради которого он когда-то добровольно отрекся от небес.

На этот раз он ни за что не позволит ему ускользнуть.

Мужчина мягко потянул за край маски и снял ее с юноши.

— Мой бог... — прошептал он.

Перед ним было всё то же прекрасное лицо. Коу Дун молча смотрел на него, их взгляды встретились.

— Тебе нравится эта обитель? — тихо спросил темный бог, нежно поглаживая юношу по щеке.

При виде этого жеста сидевший на плече Коу Дуна крошечный Е Яньчжи буквально вздыбился от ярости. Он резко вскочил во весь рост, испепеляя наглеца ненавидящим взглядом.

Коу Дун аккуратно придержал его пальцем. Сам он оставался абсолютно спокоен, этот жест его ничуть не задел.

— Нет, — ровно ответил он. — Не нравится.

Его ответ ничуть не удивил божество. Напротив, мужчина мягко улыбнулся:

— Знаю. Ты всегда ненавидел жестокость.

Коу Дун нахмурился, почувствовав в этих словах какую-то фальшь.

— Ничего страшного, — ласково успокоил его бог. — Когда ты вновь займешь свой законный престол, ты полюбишь это место.

Коу Дун застыл от неожиданности.

Что значит «вновь займешь престол»?

Он резко вскинул голову, вглядываясь в лицо Злого божества. И заметил на его коже неестественную, мертвенную бледность. В этот миг догадка яркой вспышкой озарила разум Коу Дуна. Он медленно перевел взгляд на возвышающееся позади них деревянное изваяние.

Насколько он знал, боги гибли лишь тогда, когда угасала последняя искра веры в сердца смертных.

Но как вернуть ушедшего к жизни?

Он не знал, к какому тайному искусству прибег этот падший дух, но для любого ритуала

требовался проводник, некий священный артефакт...

Темный бог тепло улыбнулся. Поймав его взгляд, он тихо произнес:

— Ты всё такой же пронизательный.

С этими словами он резко погрузил руку глубоко в деревянную грудь изваяния. Пальцы нащупали что-то внутри безжизненного ствола. С глухим звуком он извлек наружу круглый, идеально гладкий деревянный шарик.

Коу Дуну хватило одного взгляда, чтобы всё понять.

Это было ядро души прежнего, светлого бога.

Падший бог скрыл его внутри изваяния, чтобы дух его возлюбленного день за днем принимал чужие подношения. Все эти жестокие игры, кровавые расправы, крики и смерть...

Были устроены не ради праздного веселья или слепой мести.

Это было великое, страшное жертвоприношение, призванное вернуть истинного бога на его престол.

— Тебе понравится, — ласково прошептал темный бог, протягивая ему сияющую темной энергией сферу. На этот раз дерево было окутано густым, клубящимся черным туманом. — Отныне...

— Это будет твое сердце.

<http://bllate.org/book/18984/1959747>